

въ памятникахъ русской исторіи. Такимъ обра-
зомъ, первое основаніе русской исторіи было поло-
жено этими иностранцами, принесшими пользу
своими изсѣдованіями и еще больше собраніемъ до-
кументовъ. Трудомъ Миллера о Сибири воспользо-
валась Фигнеръ; но этотъ послѣдній предстаетъ
вѣсь простою копіею. Если мы сравнимъ тру-
ды обоихъ ученыхъ, то первый изъ нихъ является
критикомъ и ученымъ изсѣдователемъ, вто-
рой же только копіею.

§ 7. Миллеръ.

Миллеръ былъ родомъ изъ Германіи. Еще въ юныхъ
лѣтахъ онъ имѣлъ большую склонность къ древ-
нимъ языкамъ — изучалъ классическіе языки и нѣко-
торые восточные. Уже в 9, 10 лѣтъ онъ изучалъ
своими знаніемъ латинскаго языка и необыкновенно
много истотою произношеній. Воспитывался
онъ въ Виттенбергскомъ университетѣ, а затѣмъ
въ Геттингенскомъ, который въ то время славился
своею ученою. Здѣсь, въ Геттингенскомъ универ-
ситетѣ онъ снуждалъ Михаѣлса, спеціалиста
по еврейскимъ древностямъ и отъ этого послѣд-
няго получилъ страсть къ изученію Востока,
Еврейскаго, Арабскаго и др. языковъ. Нѣтъ сомнѣ-
ній, что вліяніе Михаѣлса опредѣлило всю
дальнѣйшую жизнь и дѣятельность Миллера.
Съ этимъ Михаѣлсомъ онъ находился по-
сто въ перепискѣ и благодарилъ ему же получилъ въ по-
слѣдствіи приглашеніе отъ Миллера въ Россію.
Подъ вліяніемъ Михаѣлса у него составилась
планъ о путешествіи на Востокъ; но онъ былъ
бѣденъ и не имѣлъ никакихъ средствъ, а пото-

ему привелъ въ исполненіи свой планъ ему не уда-
лось. Тогда онъ рѣшившій поступить учителемъ
въ Стокгольмъ, такъ какъ это приближало его
къ осуществленію заветной цѣли. Будучи въ
Стокгольмѣ, онъ занимался изученіемъ языковъ
Готскаго, Исландскаго, Латвискаго и Полю-
скаго; онъ изучилъ ихъ въ короткое время и до-
статочно твердо; вообще онъ былъ необыкновенно
способенъ къ изученію новыхъ языковъ и изучалъ
ихъ рациональнымъ образомъ, какъ увидимъ да-
же изъ его собственныхъ разсказовъ. Будучи
еще въ Швеціи, онъ написалъ два сочиненія—
первое подъ заглавіемъ „исторія учености въ
Швеціи“; второе „опытъ всеобщей исторіи мо-
реплаванія и торговли съ древнихъ временъ“.
Изъ прочесть, этой послѣдней книги вышелъ толь-
ко первый выпускъ, который обнималъ собою
торговлю финновъ; оба эти сочиненія были на-
писаны на шведскомъ языкѣ. Послѣ этого онъ
возвратился въ Германию, въ Геттингенскій уни-
верситетъ и продолжалъ заниматься наука-
ми; въ это именно время онъ получилъ то ши-
рокое энциклопедическое образованіе, которое
впоследствии принесло ему громадную пользу.
Въ первое время онъ интересовался и работалъ
надъ естественными, медицинскими, юриди-
ческими науками и, въ частности, статисти-
кой; съ какою-то ненасытною охотою
онъ предавался этимъ занятіямъ. Но все-та-
ки и въ это время мысль о путешествіи на
Востокъ не покидала его. Въ это-то время
онъ отправился въ Россію и поступилъ въ
качество учителя къ Миллеру. Приглашеніе

Это онъ получилъ при посредствѣ Бюшинга и Ми-
 хаидмса. Бюшингъ долженъ былъ отправитъ ся въ
 Россію въ качествѣ пастора и здѣсь Миллеръ про-
 ситъ его отыскать человека образованнаго, знаю-
 щаго исторію и географію; и вотъ по рекомен-
 даціи Михаидмса Бюшингъ и посовѣтѣвавшъ
 Миллеру пригласитъ въ качествѣ домашняго
 учителя - Млецера. Собственно говоря эта долж-
 ность не могла привлечь Млецера, такъ какъ
 она оплачивалась всего 200 рублѣмъ, т. е. та-
 кой суммой, которая была значительно меньше
 содержанія, получаемого ремесленниками ино-
 странцами. Но Млецеръ принявъ это предло-
 женіе, имѣлъ въ виду осуществить свой про-
 ектъ путешествія на востокъ. Сохрани-
 лась переписка между Миллеромъ и Млеце-
 ромъ, изъ послѣдней наставлявшъ на намѣре-
 ній осуществить свое путешествіе на востокъ,
 а до того времени соглашавшійся заниматься и
 русскими историческими и русской исторіей и,
 наконецъ, помогать Миллеру въ его литера-
 турныхъ занятіяхъ. Прежде чѣмъ Млецеръ
 прибылъ въ Петербургъ, онъ испыталъ труд-
 ный морской путь; это было какое-то зло-
 счастное путешествіе. Такъ какъ не было
 попутнаго вѣтра то ему приходилось въ
 немъ 7 разъ возвращать ся назадъ. Наконецъ,
 онъ прибылъ въ Петербургъ и явился къ Мил-
 леру. Довольно любопытны свидѣнія, сообщен-
 ныя имъ о первыхъ впечатлѣніяхъ у Милле-
 ра: „Первое вступленіе мое въ домъ Миллера,
 говоритъ Млецеръ, незадолго до обѣда было
 мнѣ приятно. Это былъ большой, обширный

кирпичный домъ на берегу Невы, въ 13^{ей} линіи
 Васильевскаго острова. Здѣсь все давало знать
 или не о роскоши, то о счастливомъ благо-
 сестіи. Миллеръ держалъ хорошій нѣмецкій
 столъ, пилъ даже Экипажъ. Какъ профес-
 соръ исторіографъ и секретарь своей Акаде-
 міи, онъ получалъ 1700 руб. въ годъ и, однако,
 не пилъ доловъ, что тогда, до появленія
 бумажныхъ денегъ, было рѣдкостью въ это
 классъ людей въ Петербургѣ." Явившись въ
 домъ Миллера, онъ засталъ тамъ цѣлую нѣ-
 мецкую колонію; у него жило много нѣмцевъ
 иностранцевъ. Они были свободной доступъ
 къ нему и вотъ, какъ описываетъ Миллеръ
 свое положеніе въ домъ Миллера: "Въ на-
 шемъ домѣ говорили постоянно на 4^{хъ} языкахъ:
 на нѣмецкомъ, русскомъ, финскомъ и швед-
 скомъ. Крѣпостной 14-лѣтній мальчикъ говорилъ
 свободно и правильно на первыхъ 3^{хъ}, не смѣши-
 вая ихъ. Въ этому присоединялся часто пятый
 французскій, такъ какъ изъ толпы иностран-
 цевъ, прибывшихъ въ Петербургъ изъ разныхъ ча-
 стей Европы, не было ни одного, кто бы не по-
 стыжился знаменитаго Миллера. Не упоминая
 о многихъ иностранныхъ посланникахъ, кото-
 рые пользовались назидательнымъ знаком-
 ствомъ съ этими людьми. Со всѣми ими
 разговаривалъ языкомъ былъ обыкновенно фран-
 цузскій." Отношенія къ Миллеру на первыхъ
 порахъ установились очень дружественныя:

"Миллеръ - и это очень естественно - на цѣ-
 лыхъ тридцать лѣтъ оставалъ этотъ нѣмецъ-

ной литературы. Вѣроятно онъ до 1725 года приобрѣлъ хорошия основанія, особенно въ классической литературѣ, у своего отца, ректора въ Гергардѣ. Пребываніе его въ Петербургѣ съ 1725 года, а еще больше десятилѣтніе разгвѣды по Сибирѣ (съ 1733-1743) на протяженіи 4480 нѣмеческихъ миль - стерли все до чиста. Въ немъ сохранилось только глубокое уваженіе ко всему, что называлось литературой. Можеетъ быть онъ долгие вѣсны не находилъ челоѣка, съ которымъ могъ бы повторить объ этомъ и который былъ бы въ состояніи пополнить пробѣлы; я же вышелъ изъ одного изъ главныхъ источниковъ, Гёттингена - вотъ первая причина его презиѣрнаго - сказать-ли мнѣ: расположенія? - ни даке уваженія ко мнѣ. Къ этому присоедиѣилась вторая причина: погруженнѣй въ древнюю русскую исторію, тѣсно связанную съ сѣверно-скандинавскою, онъ давалъ послѣдней болѣе значеніе; но не зналъ по шведски и былъ мало знакомъ съ шведскою литературою, которая именно въ то вѣсны, особенно въ области исторіи, благодаря трудамъ Уре, Стіернмана, Бринга была поднята на истинно высокую высоту. И тутъ онъ былъ мнѣ радъ, и тутъ, къ величайшему его восхищенію, я могъ сообщить ему самыя живыя новости. И еще третья причина: въ послѣдніе три мѣсяца въ Гёттингенѣ съ усиленнѣйшимъ приѣзжаніемъ готовился я къ путешествію въ Россію и узналъ почти все главное, что объ этомъ государствѣ можно было тогда узнать въ его предѣлахъ. И такъ я зналъ

то, чего я не зналъ, и улыбая спрашивать, что давалъ Миллеру поводъ извѣщать во всехъ нашихъ разговорахъ свое неисчерпаемое богатство свѣдѣній о Россіи; онъ этому радовался, а я удивлялась."

Первымъ дѣломъ Млецера по прибытіи къ Миллеру было изученіе русскаго языка; интересныя пособія, которыми пользовался Млецеръ; съ одной стороны пособіями были книги, съ другой — живыя лица. Млецеръ сообщаетъ объ этомъ любопытный свѣдѣніи; онъ читалъ описаніе Книжкинъ Крашенинникова; при этомъ чтеніи живымъ лицомъ былъ Миллеръ и его жена. Когда оказывалось, что онъ не зналъ какой нибудь вещи, то жена Миллера шла на базаръ и покупала тамъ для образнаго разъясненія Млецеру эту вещь. Кроме того Млецеръ воспользовался словаремъ Кондратовича и ему чрезвычайно помогла, принятая имъ система изученія. Онъ былъ филологъ и изучалъ языки научнымъ образомъ по корнямъ. Онъ знакомился съ главными корнями, а затѣмъ путемъ суффиксовъ и приставокъ образовывалъ массу другихъ словъ. Такимъ образомъ онъ изучилъ и славянскій и славяно-славянскій и друг. языки. Вслѣдъ затѣмъ, два мѣсяца спустя, онъ перевелъ первое указъ на нѣмецкій языкъ и этимъ привнесъ въ изученіе членовъ Академіи. Сдѣлавши такой большой успѣхъ въ изученіи русскаго языка, Млецеръ думалъ сдѣлать полезное въ ученыхъ работахъ Миллера, кѣмъ въ это время издавался *Sammlung Russische Geschichte*. Здѣсь Млецеръ хотѣлъ оказать содѣйствіе Миллеру; онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на собранную рукопись: „Главнымъ предметомъ нашихъ первыхъ разговоровъ была географія и

статистика Россіи. Сводный этого чеповка и
огромное собраніе до сих поръ не тронутыхъ рукопи-
сей, касающихся всевозможныхъ отдѣловъ дѣлъ
наукъ, приведитъ меня въ истинное удивленіе.
Оасто, когда за чаемъ мы за столомъ шель раз-
говоръ о Бухарин, о любви болуки, оъ Амуръ, о
портномъ промыслѣ - онъ велъ меня на верхъ въ
свой кабинетъ, вытаскивалъ одно за другимъ те-
радъ, свитокъ, квартантъ - все еще въ видѣ ру-
кописей, отгаси русскихъ, отгаси нѣмецкихъ
и давалъ ихъ мнѣ переписывать. „Путь ра-
бота для васъ, для меня и для десятихъ дру-
гихъ на всю жизнь“, сказалъ онъ мнѣ однажды,
указывая на цѣлую стѣну, забитую таки-
ми сокровищами. Я горько сожалѣлъ при-
нѣсь за дѣло: каждый мѣсяцъ я могъ бы при-
готовить къ печати полъ-алфавита важныхъ
сводныхъ, которыхъ все были бы новы, потому что
тогда еще удивительно мало было извѣстно о
географіи и статистикѣ Россіи. „Итакъ, я,
благословенный мой, могъ только переписывать
и изумляться. Когда я въ восхищеніи дѣлалъ
видъ, что сделаю унести рукописи къ себѣ въ
комнату, онъ нѣжно вынималъ ее изъ моихъ рукъ,
ложилъ на свою лѣсеньку и пряталъ ее въ папку.
Если я просилъ настоятельно, то обыкновенно
говорилось: „Не упрячитесь, еще будетъ время, не
надо спѣшить торопѣсь“. Я же торопилась: -
„А однажды, заставъ меня, когда я читалъ
одну рукопись, полную глубокихъ сводныхъ и важ-
ныхъ матеріаловъ и по привычкѣ вытаскивалъ
книжку на освѣщеніе бумаги, онъ воскликнулъ:
„Боже мой! Видъ вы все переписываете!“ (Только

впоследствии это восклицаніе лишь стало ясно).
 Действительно это перенесеніе пришло изъ
 болѣе безпечной стѣ. Но, однажды, Миллеръ при-
 нѣсь Миллеру первый корректурный листъ лѣто-
 писи, которая издавалась Маубертомъ при Ака-
 деміи Наукъ; Это была Раздвинновскій списокъ
 древней лѣтописи. Миллеръ открылъ въ ней зна-
 чительныя ошибки, которыя произошли отъ неб-
 режности переписчика и указавъ это Миллеру:
 „Но какъ я удивился, когда уже на первыхъ стра-
 ницахъ этихъ листовъ наткнулся на совершен-
 ной безсмыслицы. Смотрѣлъ, какъ многія лѣ-
 тописи въ Европѣ, начинались съ петля и пе-
 реисчисленія странъ древняго міра по тому, какъ
 Ной раздѣлилъ ихъ между своими сыновьями.
 Я тогда же почувалъ, что все это лѣто
 переписано изъ византийцевъ; но прежде, чѣмъ я
 успѣлъ найти это лѣто у нихъ, меня поразили
 нѣкоторые грубѣйшіе искаженія названій
 странъ, напр.: Ватръ вмѣсто Бактрія, Фив-
 дий вм. Фивы, Ливія. Я поспѣшилъ со своимъ
 открытіемъ къ Миллеру. О, какъ онъ торже-
 ствовалъ! Тутъ онъ въ первый разъ высказа-
 алъ предо мною, что онъ былъ не въ ладахъ съ
 своимъ товарищемъ (и начальникомъ) Маубертомъ.
 Онъ говорилъ, что „положительно требовалъ си-
 ченія нѣсколькихъ списковъ, чтобы излѣчить
 грубѣйшіе ошибки невѣжественныхъ пере-
 писчиковъ; при томъ настоятельно убѣждалъ
 не подновлять орфографіи и т. д., но его не
 послушали.“ Такимъ образомъ Миллеръ, нахо-
 дясь во враждѣ съ Маубертомъ, написалъ свои
 примѣчанія къ его изданію. Но Миллеръ до

сильно порть былъ домашнимъ учителемъ у Миллера; Этою должностію онъ тяготился; - онъ хотѣлъ чего-то большаго и прежде всего мѣста адъюнкта при Академіи. Между тѣмъ Миллеръ хотѣлъ его сдѣлать адъюнктомъ при себѣ, но Милцеръ, зная враждебныя отношенія Платберта и Миллера, воспользовавшись этимъ и Платбертъ рѣшилъ сдѣлать сдѣйствіе Милцеру, который получилъ мѣсто адъюнкта при Академіи въ 360 руб. въ годъ. Онъ долженъ былъ работать надъ лекціями, а вѣдѣть съ тѣмъ переводить разные указы. Кроме этого онъ занималъ мѣсто преподавателя при Институтѣ Разумовскаго; дѣло въ томъ, что президентъ Академіи Наукъ Разумовскій устроилъ институтъ для своихъ дѣтей и для дѣтей другихъ лицъ. Институтъ находился подъ дирекціей не вѣжественнаго француза, а Милцеръ занималъ мѣсто преподавателя сначала нѣмецкаго языка, затѣмъ латинскаго, а еще время преподавалъ статистику. Интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Милцеромъ о томъ, какъ ему пришла мысль о статистикѣ. - "Однажды я смѣлился сказать Платберту, что въ учебномъ планѣ нашихъ молодыхъ людей забыта географія, ни да же еще болѣе важная наука, вѣдѣніе соответствующаго назначенію нашихъ воспитанниковъ, а именно отъизвѣдательное. Подъ послѣднимъ я разумѣлъ статистику, но не смѣлился выговорить этого совершенно незнакомаго слова, котораго не понимали еще ядыкъ ни одного русскаго. Этого человѣка, не смотря на свои годы, еще сохранявшій воспримчивость къ новымъ идеямъ, если

только они были очевидно справедливы и полезны, немедленно принимая мое предложение и просил, чтобы я сам испытать его на деле. Мои первые уроки были: „как велика Россия в сравнении с Германией и Голландией?“. „Что такое Юстиция-коллегии?“. „Что покупает и продает русский?“. „Откуда получает он золото и серебро?“. Никогда я не забуду, с какими наставлениями Мауберты слушать однажды такой урок! За столом он продолжал разговор о тех же предметах, экзаменовал учеников и наставлял меня. Кончилось тем, что кроме 6 уроков латинского языка я должен был еженедельно давать 5 уроков статистики и получать за них 100 руб. в год. „Дело в том, что прежде для своих занятий статистикой Млецер получал свидения из-за границы, а теперь Мауберты сам доставлял ему эти свидения и Млецер переводил их и отправлял за границу. Его занятия статистикой привело к полезному делу. Млецер сообщил мысль об устройстве статистического бюро. Эта мысль понравилась Мауберту и стали собирать статистический материал. Через некоторое время Млецер не удовлетворившись своим положением (ему подходило 30^{лет} год) и вот он и решил занять место профессора при Академии Наук, а для этого он предложил план обработки и занятий русской историей. Этот план изображает нам Млецера, как человека и критика. Млецер предложил следующую обработку русской истории: „Я думаю, русская история должна идти 3^{ми} путями,

поэтому обработку русской истории я даю на 3 различные класса работъ, изъ коихъ первые два составляютъ только приуготовленіе и средство къ третьему, заключающему въ себя конечную цѣль.

- I. Studium monumentorum domesticorum,
- II. Studium monumentorum extrariorum,
- III. Usus utrorumque ad corpus historiae Russicae conficiendum.

I. Studium monumentorum domesticorum.

Здесь этимъ monumentis domesticis я разумею преимущественно хроники, множеству, по подробностямъ и хронологическою точности которыхъ русская исторія можетъ гордиться. Эти хроники требуютъ также троякой работы: 1) критической - нужно читать хроники; 2) грамматической - нужно ихъ понимать; 3) исторической - ихъ нужно сравнить.

I, Studium apparatus criticum - критическая работа.

A) Нужно читать хроники. Я полагаю, что большая часть изъ нихъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшія, находящаяся въ императорской библіотекѣ; съ тѣхъ же, которыхъ разбросано по монастырямъ, возможно будетъ въ нѣсколькихъ снять копии, если только къ тому будутъ приняты мѣры. А тѣ, которыхъ находятъ въ частныхъ рукахъ, пусть попечительство приведеѣ въ извѣстность. Въ сущности все эти хроники по многимъ основательнымъ причинамъ слѣдовало бы напечатать. Въ болѣе части государствъ существуютъ большіе ихъ собрания; но такъ какъ этого небыло ожидать въ скорѣе время, то пока нужно удовлетво-

ратся вдвѣмъ рукотислм. Только слѣдовало бы
 всю эту рукотислм точно описать, пронумеровать,
 им означитъ нѣмъ какимъ нибудь определеннымъ
 способомъ, чтобы впредь при цитатахъ можно
 было ссылаться на нихъ безъ опасенія перепи-
 сать одну съ другою. Этотъ трудъ мало по ма-
 лу собравъ бы матеріалы для статьи: *de fon-
 ctibus historiae Russicae*.

В.) Но если я не знаю, которое отдѣльное пред-
 ложеніе, которое отдѣльное слово принадлежитъ
 напр. Нестору, а не его переписчику, когда у ме-
 ня, нѣтъ самого Нестора, то здѣсь начинается
 большая работа, которую я называю "studium
 apparatus criticum"; она состоитъ въ томъ,
 чтобы сравнить хроники между собою, замѣтивъ
 въ различныхъ спискахъ варианты, пропуски, встав-
 ки и точно ихъ обозначить. Для этой цѣли я бы
 просилъ себя копию съ каждой хроники съ ши-
 рокими полями, имъ предложенную чистыми
 листами, чтобы мало по малу вносить туда
 варианты изъ всехъ другихъ списковъ, какіе пона-
 дуются мнѣ въ руки, съ точнымъ указаніемъ
 рукотислм, изъ которой они взяты. Въ послѣдствіи
 этотъ экземпляръ постоянно оставался бы въ
 библиотекѣ и доставлялъ бы значительную поль-
 зу будущимъ изсѣдователямъ русской исторіи.
 Только эту работу нужно бы было исполнять
 медленно, потому что она, вслѣдствіе того, что
 вниманіе обращается на безчисленные мелочи,
 притупляетъ и глаза и умъ. Это именно та
 работа надъ хрониками, которая требуетъ
 самую большую труда, которая драго-
 цѣннѣе всего для знатока, а у французовъ - са-
 ма исторіографія. 2 часть.

мая презрѣнная. Грюнова называли педантомъ, потому что онъ тщательно и добросовѣстно записывалъ, когда въ одномъ спискѣ онъ находилъ еѣ, а въ другомъ алфавитъ.

Но безъ педантизма Голландскаго филолога Монжескѣ не могъ бы написать своего безсмертнаго сочиненія о причинахъ величій и паденій римлянъ, и безъ Давида Милля англійскіе деисты не одержали бы победы надъ религіей. Бываютъ случаи, когда очевидно обнаруживается не только польза, но и необходимость этихъ, такъ называемыхъ, пустяковъ. Я нахожу, напр., въ запискахъ Ярослава (X) слово колбасъ; я изслѣдую его значеніе, находясь въ догадкахъ и, наконецъ, нахожу, что это слово не Ярослава, а его небрежнаго переписчика, а въ другихъ спискахъ нахожу другое, понятное слово. Отсутствіе критики сопряжено со многими другими еще шутку, какъ золотой зубъ съ докторомъ и я даю обещаніе не принимать за объясненіе такихъ хроникъ, въ достовѣрности и правдивости чтеній которыхъ я не буду убоженъ гарантіе. При этомъ я напоминаю, что въ этой работѣ, сравненію Хроникъ, иностранецъ въ известномъ отношеніи способнѣе туземца. Не доверяя своему знанію языка, онъ будетъ болѣе снисходителенъ, чѣмъ разсудкаго и менѣе будетъ расположенъ къ поправкамъ, основаннымъ на остроумныхъ предположеніяхъ.

2) Studium apparatus grammaticorum — грамматическая работа. За первую работу следуетъ вторая: нужно понимать хроники. Знать по русски и понимать хроники — разныя вещи. Первое предполагается, но еще далеко не

достаточно. Можно быть природным, да еще ученым нѣмцемъ и не понимать Willegat: не относитъ ли это также и къ русскому? Знаніе древняго языка страны - особенное *studium*. Это дело учености, плодъ изыскаваній. Иностранецъ, который никакъ не можетъ надѣяться овладѣть живымъ языкомъ, какъ туземецъ, subito можетъ стать *caeteris paribus*, на ряду съ туземцемъ, когда рѣчь идетъ о древнемъ языкѣ.

Важнѣе великій человекъ, природный нѣмецъ; знающій по древне-нѣмецки; но публика говоритъ, что Ире, шведъ знаетъ еще лучше. Средствами для пониманія древнихъ языковъ въ другихъ странахъ служатъ глоссаріи. Но для пониманія славянскаго языка еще нѣтъ глоссаріи. Нужно стараться другими средствами дойти до пониманія русскихъ хроникъ и употребленій именно этихъ средствъ можетъ мало по малу положиться основаніе славянскому глоссарію. Средства эти слѣд.:

А) Устные распросы. Прежде знаніе и содѣйствіе 2. нагв. сов. Толмачки были мнѣ весьма полезны; въ цѣль себя надеждою на такое же благосклонное содѣйствіе со стороны тѣхъ членовъ Академіи, для которыхъ русскій языкъ есть языкъ природный и особенно 2. Ломоносова.

В.) Чтеніе славянской Библии. Такъ какъ она буквально переведена съ ЛХХ толковниковъ, то для тѣхъ, кто въ состояніи сравнивать ее съ оригиналомъ, можетъ служить богатѣйшій и надежный лексиконъ. Кроме того зна-
комство съ славянскою Библией приносить двоякую пользу.

а) Сочинители хроникъ были монахи, примене-

но читающие Библию. Ея словъ образованъ изъ историческiй словъ: выраженiя, обороты и все ихъ способъ разсказа очевидно библейскiй; следовательно, знающii славянскую Библию найдетъ меньше трудностей при чтении Хроникъ; точно также, какъ арабскiе историки и поэты гораздо доступнѣе для тѣхъ, кто свободно читаетъ Коранъ.

В) Славянскiй переводъ Библии открываетъ еще не початый источникъ для собранiя вариантовъ Библии. Превосходная важность этой работы извѣстна знатокамъ библейской филологii.

С) Изслѣдованiя славян. нарѣчiй. Извѣстно, что очень часто слова, утративши ясь въ одномъ нарѣчiи, остаются въ другомъ. 300 лѣтъ тому назадъ слово види было нѣмецкое, теперь оно шведское, но ни одинъ нѣмецъ его уже не понимаетъ. Какъ много, должно быть, встрѣчается въ Хроникахъ такихъ словъ, которыхъ теперь не понимаютъ ни одинъ русскiй, но которыхъ живутъ въ устахъ крестьянина чеха, поляка, литовца, венда..

3.) Studiump. appaliump. Historisump — историческая работа. Нужно сравнить Хроники: не различные списки одной и той же Хроники въ отношенiи чтенiя — это было первымъ деломъ, но различные Хроники объ одномъ и томъ же событiи въ отношенiи содержанiя. Часто въ степенныхъ книгахъ находятсѣ обстоятельства, которыхъ напрасно ищемъ у Нестора и его продолжателей и часто Новгородская летопись разсказываетъ о томъ, чего нѣтъ ни у тѣхъ, ни у другихъ. Чтобы сдѣлать эту работу возможно болѣе полезною какъ для себя, такъ и для тѣхъ, кто впоследствии будетъ заниматься русскою исто-

тей, я раздѣлю ее на маленькія отдѣлы; для каждаго отдѣла заведу особую книгу и въ каждую книгу буду вносить все то, что найду объ отдѣльной эпохѣ, или объ отдѣльномъ событіи во всѣхъ хроникахъ, или въ другихъ древнихъ книгахъ, какія попадутся мнѣ подъ руку. Само собою разумеется, что источники, изъ коихъ я черпалъ бы эти дополненія, были бы точно обозначены. Это составило бы родъ регистратуры, или генерал-Регистро для Русской исторіи.

II. Studium monumentorum extraneorum.

Исторія Россіи перемѣщается съ исторіей множества другихъ народовъ. Войны, дружественныя договоры и родственныя отношенія связали ее не только съ соседями, но и съ далекими Бриттаніи и Французамъ. Здѣсь открывається широкое поле, на которомъ обширная историческая ученость можетъ явиться во всемъ своемъ величіи. Собрать все свѣдѣнія, родственныя у иностранныхъ историковъ и не только тамъ, гдѣ ихъ меньше всего ищутъ; разрывшійся противорѣчій и *judicio discreto historico*, точно опредѣлить случаи, гдѣ туземный летописецъ заслуживаетъ болѣе вѣрности, нежели иностранный и наоборотъ — было бы довольно труднымъ, но для полноты русской исторіи необходимыми.

III. Usus utroque ad Corpus historiae Russicae conficiendum.

Ясно, что 1) какъ я уже выше упоминалъ, пока все эти работы не будутъ исполнены надлежащимъ образомъ, нечего и думать о системѣ русской исторіи, которая могла бы со-

пернматъ съ исторіей другихъ государствъ, а
 следовательно достойна чести народа и Академіи;
 2) но когда только эти работы будутъ двѣсѣ-
 тельно исполнены, то составленіе такой систе-
 мы естественнымъ образомъ значительно облег-
 чится, если 3) составитель будетъ обладать
 качествами, необходимыми не только для того,
 чтобы собрать матеріалы, но и воспользоваться
 ими согласно съ указанною конечною цѣлью. Въ
 такихъ чертахъ Милецеръ составилъ себѣ планъ
 обработки и занятій русской исторіей. Но
 вѣдѣть съ этимъ Милецеръ предложилъ и другой
 проектъ — это планъ изданія популярной книгъ,
 въ которыхъ русское общество нуждается. Одинъ
 экземпляръ такой книгъ былъ доставленъ въ
 Академію, но встрѣтивъ страшное сопротив-
 леніе въ членахъ Академіи — Ломоносовъ, Миллеръ
 и друг. Ломоносовъ выразилъ въ этомъ такъ:
 „Свидѣтельства иностранныхъ профессоровъ о
 знаніи г. Милецера въ русской древности по-
 читать должно недовѣрчивыми, зная, что
 они сами оныхъ не знаютъ. Ипотечъ до меня на-
 лежить, то оному Милецеру много надобно учить-
 ся, пока можетъ быть профессоромъ Россій-
 ской исторіи. Сверхъ того и мѣста ему при
 Академіи нѣтъ перожная. Г-нъ Миллеръ и
 Филлеръ суть профессора исторіи. А уже и сами
 сочинили Россійскую и уже въ печати. И такъ
 упомянутой Милецеръ профессоромъ Россій-
 ской исторіи быть не можетъ и нѣтъ мѣста.“
 Но это еще ничто въ сравненіи съ другими болѣе
 рѣзкими мнѣніями Ломоносова: „сколько лучше
 наколобродитъ допущенная въ Россіи елииздрев-

исстѣмь сід скотина?"

Что касается до Миллера, то отзывъ этого послѣдняго отъицаетъ большую обстоятельностью и дипломатичностью: Миллеръ упирается на то, что Шлецеръ могъ бы быть полезнымъ, если бы онъ посвятилъ себя всецѣло русской исторіи, но, я сомнѣваюсь, что онъ будетъ жить постоянно въ Россіи и полагаю, что онъ можетъ скоро убраться за границу." Это заявленіе дѣйствительно поставило Шлецера въ неловкое положеніе; когда онъ захотѣлъ убраться въ Германію, то Сенатъ, по донесенію Ломоносова, не выдавалъ ему отъпускнаго паспорта; онъ безпрестанно болбанировалъ правительство просьбами, но послѣднія оставались безъ послѣдствій; даже покровительство Мауфферта ничего не могло сдѣлать и только случай спасъ Шлецера: нѣкто Козловъ рѣшившійся передать императрицѣ записку Шлецера и немного спустя получилъ распоряженіе о выдачѣ отъпускнаго паспорта, но при этомъ было предложено условіе, чтобы онъ остался ординарнымъ членомъ Академіи Наукъ. Вотъ этотъ подлинный контрактъ:

- 1) По имманному указу Ея импер. величества, бывшій предъ симъ адъюнктъ Ав. Акад. Шлецеръ опредѣляется при Акад. Наукъ профессоромъ ординарнымъ исторіи и членомъ академическаго собранія, съ жалованьемъ въ годъ по 860 рублей, включая въ то же квартиру, дрова и свечи.
- 2) Какъ скоро Академія снабжена будетъ новыми регламентомъ, то ему пользоваться всеми выгодами, какія въ ономъ опредѣлены будутъ академическимъ ординарнымъ.

- 3) Главное его упражненіе имѣетъ состоятъ въ древней Россійской исторіи и во всякихъ до объясненія оной касающихся сочиненіяхъ; а для сего дѣла не только не возбраняется ему употребленіе всю, находящуюся въ императорской Библиотекѣ и при Академіи, книги, манускрипты и прочія къ древней исторіи принадлежащія извѣстія, но и дозволяется требовать чрезъ Академію всего того, что къ болѣшему совершенству поручаемаго ему дѣла служить можетъ.
- 6) Сей контрактъ заключается на пять лѣтъ; а по прошествіи оныхъ вольному, Шлецеру, либо даѣше продолжать службу свою, или возвращатися въ свое отечество безъ всякаго препятствія и задержанія.
- 7) Для поправленія его здоровья и для свиданія съ фамиліею дозволяется ему наступающаго весною на три мѣсяца ѣхать въ Германию; а дабы онъ на предписанной срокъ возвратился, взять съ него по обыкновенію реверсѣ и снайдти его такими отъ Академіи комиссіями, которыми бы онъ, производимый ему на то время окладованіе, заслужить могъ. Такимъ образомъ Шлецеръ получилъ отпускъ за границу, куда онъ уѣхавъ съ порученіемъ осматрѣть дома умалишенныхъ. Вскорѣ онъ опять возвратился въ Петербургъ и предложилъ нѣкотораго изданія; такъ онъ вынужденъ былъ перасть Русскую Правду, исполнивъ этотъ трудъ совмѣстно съ Башиловымъ. Кроме этого онъ издалъ Никоновскую летопись съ собственнымъ предисловіемъ, а затѣмъ онъ уѣхавъ изъ Россіи и получивъ отъ него про-

профессора въ Геттингенскомъ университетѣ; здѣсь онъ окупился въ своей сферѣ; — занимался преподавательскою дѣятельностью и издавалъ цѣлый рядъ сочиненій. Увлекался публицистикой, былъ выдающимся по своему времени членомъ и пользовался громаднымъ вліяніемъ на современное общество. Не буду останавливаться на тѣхъ изданіяхъ, который касаются Европы; скажу только о тѣхъ, которые имѣютъ значеніе для русской исторіи. Сюда относятся: 1) "Рече чиззи — scher Annalen"; 2) "Всеобщая исторія сѣвера"; 3) трудъ 32-лѣтнихъ усилій — знаменитый "Несторъ".

Напечатанный трудъ Млещера, на который основана его ученая слава, нѣжко признавъ "Нестора", который изданъ за границей въ 1802 году и который является результатомъ 32-лѣтнихъ занятій русской исторіей. Онъ былъ написанъ на нѣмецкомъ языкѣ, переведенъ на русскій г. Языковымъ и изданъ въ 3^{хъ} частяхъ. Составленіе этого труда и его содержаніе заслуживаютъ нашего вниманія, ибо онъ является настольною книгой для всякаго, занимающагося русской исторіей. Трудъ этотъ состоитъ изъ "Предувѣдомленія", "Введенія въ русскую исторію вообще" и "Русскаго временника" на древнеславянскомъ языкѣ съ переводомъ на русскій яз. и комментаріями. Но вѣстись съ тѣмъ эта работа цѣлкомъ не охватываетъ древняго періода русской исторіи. Содержаніе предувѣдомленія таково: прежде всего Млещеръ указываетъ на лѣтописные спи-

ски, которыми онъ пользовался: было 12 печатныхъ и 9 рукописныхъ; но изъ вышеизложеннаго изъясненія оказывается впрочемъ, что ихъ было не 21, а 15, а еще нѣсколько книгъ страницами даные и самъ Шлецеръ признавая, что онъ пользовался всего 13-ю списками, частью печатными, частью же рукописными. Планъ своей работы Шлецеръ изображаетъ такимъ образомъ: „Первое, труднѣйшее, но нужнѣйшее мое дѣло состояло въ томъ, что ^{сбл}сличить все сіи списки и мѣста, находящіеся во всехъ, или во многихъ изъ вышеизложенныхъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, сравнить слово въ слово, буква въ букву. Я для этой цѣли раздѣлилъ текстъ на большіе и малые сегменты; мои списки такъ были мнѣ извѣстны, что я знаю, которые изъ нихъ находили или очень отличались одинъ отъ другого.“ Планъ же изложенія работы таковъ: представляется весь текстъ Нестора; главная часть состоитъ изъ кореннаго славянскаго текста; Это и есть очищенный Несторъ, исправленный имъ самимъ на основаніи сличенія. За этимъ кореннымъ очищеннымъ Несторомъ слѣдуетъ переводъ его на русскій языкъ, а за нимъ его примѣчанія и комментарии. Текстъ, слѣдовательно, „раздѣляется на 3 части: 1) Славянскій коренной текстъ, 2) переводъ оного 3) примѣчанія, или объясненія, гдѣ приводятся причины, почему я нѣкогда мѣста читалъ и переводилъ такъ, а не иначе и гдѣ объясняю, толкую и исправляю мѣстописателя.“ Таково изложеніе и общій характеръ содержанія его труда. Для этого онъ долженъ былъ представить очищеннаго Нестора и очищеннаго посредствомъ ма-лой и высшей критики: „Я окончилъ манускрип-

стиху, или сличеніи, описанное на страницѣ IX; иль предъ глазами мѣста изъ 10 и больше рукописей; часто случалось, что одно слово написано было въ 10 стихахъ десятью различными образами; въ такомъ его не доставало; иль длинный мѣста былъ только въ немногихъ и пр.: здѣсь начиналась настоящая критика. Изъ 10 чтеній надобно было избрать одно настоящее, или отгадать, ежели избирать было не возможно; надобно было вставить вынужденная мѣста; отъ Несторовыхъ словъ отдѣлывъ желкованія, разсужденія и постороннія вставки. Это въ какихъ образахъ произошли мой славяно-скій коренной текстъ, въ которомъ однако все (по крайней мѣрѣ такъ мнѣ хотѣлось) нѣтъ ни одной буквы, которой бы не было по меньшей мѣрѣ въ одномъ изъ моихъ стиховъ... По собственному моему расположению хотѣлось мнѣ издать описаніе Нестора, а не своднаго, что теперь было бы еще безполезно для нерусскаго читателя. Я не замѣлялъ простыхъ орфографическихъ разнословій; явные и слишкомъ глупыя ошибки вносилъ я иногда въ замѣчанія, дабы показать, каковы были переписчики, но важныя и сомнительныя разнословія описывалъ я подробно и шавный мѣста часто приводилъ слово въ слово изъ многихъ стиховъ". Главную цѣль работы Млеуца являлось очищеніе русской исторіи отъ басенъ: въ описаніяхъ происшествій, бывшихъ при последующихъ государяхъ, а особливо при св. Ольгѣ и Владимірѣ Великомъ представляются такіе же вздорныя басни и несообразности, принадлежащія, какъ переписчикамъ, такъ и самому Нестору и который долготѣ ра-зобратъ критика. Первый законъ въ исторіи-

не говорить ничего ложного. Очистить еще мало обработанную историю от басней, ошибок и вздорных мнений — можно по справедливости назвать трудом, заслуживающим уважения, хотя часто и неблагоприятным. Не легко отстоять от полорожений, которые долгое время вообще всели принимались; оскорбляемая, если покажут тебе ватскую, а часто даже сивильскую ошибку; сердясь на того, кто смеет противоречить всели, кто только что разрушает, влисто того, чтобы создать и кто из одной ложко ученой дерзости взводит сомненья на доказанные истины. Но сомненья и легковѣрїя суть двѣ крайности, которая подобно всели крайностили никуда не годятся." Вотъ въ этомъ мѣ-
 меніи Млецеръ могъ быть приписанъ къ числу тѣхъ историковъ критиковъ, первое мѣсто среди кото-
 рыхъ занимаютъ Нибуръ, Ранке и др. Такого содержания предувѣдомление.

Затѣмъ слѣдуетъ введеніе, гдѣ сообщаются раз-
 наго рода свѣдѣнія, особенно интересныя для
 иностранныхъ читателей — о Несторѣ и его мѣсто-
 ниси, о описи первого мѣтописца Нестора, мона-
 хъ Кіево-Печерскаго монастыря. Свѣдѣнія, сообще-
 ныя Млецеромъ, отличающіяся точностью и всели
 любознательны; данныя о описи Нестора извлечены
 изъ самаго свѣщенія Нестора. Затѣмъ говори-
 ся о составленіи нли мѣтописи и опредѣляея
 ея важное значеніе сравнительно съ западно-Евро-
 пейскими хрониками. Интересно то, что Этотъ
 представитель западно-Европейской науки ставиъ
 ее выше всели западно-Европейскихъ хроникъ.
 Сообщая, что въ Несторовой мѣтописи есть басни,
 онъ говоритъ: „развъ временники современныхъ

гогтно-европейскихъ монаховъ отличные въ этомъ? Развѣ не разсказываютъ они въ этомъ такіе же глупыя чудеса и пустяковъ? Но этотъ Русскъ въ сравненіи съ позднѣйшими Исихастами и Никейцами, такъ превосходенъ, какъ разсудокъ, иногда затмѣваемый въ сравненіи съ безпрестанною глупостью. Можетъ быть также въ послѣдующее время при строгомъ критическомъ слѣженіи списковъ, окажется, что многія глупыя мѣста принадлежатъ не Нестору, а подправщикамъ, жившимъ послѣ его болѣе 400 лѣтъ." Сообщая свѣдѣнія о Несторѣ, Млецеръ разсказываетъ о продолжателѣхъ его и первымъ такимъ продолжателемъ признаетъ игумена Выдубецкаго монастыря Симеона. Затѣмъ разсматриваетъ мѣтаны Нестора, какъ источникъ не только для русской исторіи, но для всей северной исторіи. "Что было бы, говоритъ Млецеръ, если бы не было Нестора? Узнали бы о северѣ, не зная Нестора? Теперь, говоритъ онъ, сравнимъ безпристрастно русское богатство свѣдѣностей всей остальной Верхнесверной исторіи; Несторову древность съ молодостью скандинавовъ, прочіхъ Словенъ и Венгровъ; полноту и связь въ русской исторіи съ отрывками другихъ; ея правдивость и важность съ легкомысленными выдумками первыхъ скандинавскихъ, славянскихъ и венгерскихъ временниковъ и всѣхъ ихъ продолженіями до XVI столѣтія! Долгое время Несторъ остается единственнымъ настоящимъ мѣтотписателемъ между своимъ соотечественникомъ. Современникъ его тогда ограничивается только Даніей и снѣжными горами и своимъ

временемъ. Несторъ, еще разъ повторяю, на всѣмъ
 этомъ обширномъ поприщѣ, есть одинъ только
 настоящій въ своемъ родѣ полный и справедливый
 мотописатель. Одинъ только Генрихъ Латомъ
 можетъ еще быть поставленъ надъ его, хотя
 описываемый предметъ и не столь обширенъ; но
 Исландецъ Снорри въ сравненіи съ нимъ едва мо-
 жетъ быть тершимъ, ибо, какъ полужученый, не-
 щадно баснословитъ и подробно рассказываетъ
 пустыя мелочи." Затѣмъ сообщаютъ не потеряв-
 шія своего значенія и до настоящаго времени
 свѣдѣнія Млеура о разнаго рода русскіхъ вре-
 менникахъ; онъ сообщаетъ названія и содержа-
 нія этихъ временниковъ; говоритъ, что оригина-
 лы временниковъ до насъ не дошли; рассказы-
 ваетъ о матеріалахъ, на которыхъ писаны бы-
 ли временники, о форматахъ, о шрифтахъ, объ
 отсутствіи знаковъ препинанія, о надстро-
 ныхъ знакахъ и сокращеніяхъ, объ обозначеніи чи-
 селъ буквами; указываетъ, что въ нѣкоторыхъ спи-
 скахъ мы замѣчаемъ рисунки и фигуры, напр.,
 въ одномъ временникѣ изображается монахъ,
 пишущій мотописомъ. Затѣмъ говоритъ о древ-
 нихъ временахъ, особенно подробно распростра-
 няется о томъ славянскомъ языкѣ, на кото-
 ромъ написаны временники. Въ высшей сте-
 пени интересны соображенія его, что русскіе
 временники написаны не на пергаментѣ, а на
 родномъ, или почти родномъ для славянъ
 языкѣ; въ этомъ отношеніи онъ отзывается пре-
 мущественно русскимъ временникамъ предъ запад-
 но-Европейскими хрониками, написанными на
 латинскомъ языкѣ: „Невѣдя исчислитъ вре-

да, нанесенного этихъ религии, словесности
и общему просвѣщенію. Образованіе въ народахъ
начинается съ того только времени, когда они
начнутъ писать на собственномъ языкѣ: до-
казательствомъ сему можетъ служить исторія
Италіи, Англіи, Франціи, Германіи и др. Боль-
шая часть другихъ словенскихъ народовъ возшла
на эту ступень образованія только послѣ рефор-
мации; но Руссы, также какъ и другіе словен-
скіе народы, бывшіе въ связи съ разсудительнѣй-
шимъ царградскимъ шахали духовенства,
съ самаго начала стали писать на Словен-
скомъ языкѣ. Вотъ первый и естественный спо-
собъ обрабатывать народный свой языкъ."

Рассказавши о современникахъ, какъ самихъ глав-
ныхъ источниковъ для русской исторіи, Миллеръ
даетъ намъ понятіе о другихъ памятникахъ
русской исторіи и останавливается на сте-
пенныхъ книгахъ, на ихъ характеристикъ, на
особенностяхъ ихъ изложенія; названы они такъ
потому, что событія здѣсь изображены не
хронологически, а по степени родства; здѣсь
представляется двѣ атеивности одного и того
же поколѣнія и степени. Затѣмъ онъ обраща-
ется къ хронографамъ, даетъ характе-
ристику содержанія и изложенія ихъ, характе-
ризуетъ родословныя и разрядныя книги; ука-
зываетъ на заслуги Миллера и др. лишь въ
дѣлѣ изданія актовъ, на значеніе археологичес-
кой словесности, въ видѣ здѣсь критическій трактатъ,
по русской исторіографіи. Послѣ этого Мил-
леръ переходитъ ко второй части исторіогра-
фіи, гдѣ сводитъ за странною судьбою русской

истории; онъ весьма картинно изображаетъ это
блестящее русское историческое, говоря: „Здѣ же храни-
лось тогда это сокровище? Тамъ же, здѣ и те-
перь лежитъ, спустя слишкомъ 400 лѣтъ то же
сего: въ магазинъ, невероятно богатый, но кото-
рый походитъ на такую архиву, въ которую
никогда не заглядывали архивариусы; разсыянно
безъ порядка на пространствѣ, занимающемъ,
можетъ быть, 50000 кв. миль. Тутъ сожн-
ты валяются временники (совсѣмъ другаго разбора
отъ китайскихъ), которыхъ фактъ нѣтъ и описи;
тутъ тысячами лежатъ древнія сочиненія, гра-
моты, монеты, древности, которыхъ никто еще
не считалъ, а и того меньше описывалъ и изъяс-
нялъ: какое множество припасовъ для Русскаго
пантеона, для Русскаго церковнаго историка,
для собранія филологической, нумизматической, для
множества толковъ писателей Русскаго историка;
припасы славные, но грубые, еще не совсѣмъ вы-
дѣланные, а частью еще и неизвестные.“

Затѣмъ нѣмецкій ученый рассказываетъ о
давнѣйшей обработкѣ русской истории, сводя
за скудную нить этой разработки во все про-
долженіе литературнаго періода нашей исто-
рии, при чемъ съ особенною подробностью оста-
навливается на 18 вѣкъ. Вообще же его заклю-
ченіе весьма не утѣшительно; когда онъ под-
ходитъ къ послѣднему десятилѣтію XVIII в.,
то лишь замѣчаетъ легкое въ дѣлѣ крити-
ки и изданія разныхъ памятниковъ; и дѣло
легко заставляетъ его высказать слѣдую-
щую фразу, указывающую на состояніе рус-
ской истории въ 1790-1800 годахъ: „тутъ экс-

профессоръ русской исторіи потерявъ все терпѣ-
ніе, съ которыми онъ лѣтъ десять издавалъ шоу-
роль на этотъ печальный упадокъ и написалъ
эту книгу."

Затѣмъ слѣдуетъ самая книга, состоящая
изъ введенія и главной ея части. Введеніе обо-
зрѣваетъ содержаніе древней русской лѣтопи-
си до начала русскаго государства - до Рюрика;
главная же часть - дѣятельность первыхъ
киевскихъ князей. Планъ, какъ введенія, такъ
и главной части, совершенно одинаковъ: онъ дѣ-
литъ лѣтописи на сегменты и напимаетъ раз-
сматривать по главамъ ихъ содержаніе.

Первая глава - древняя космографія. Прежде
де всего Шлецеръ открываетъ древнѣйшую кос-
мографію: "По потомъ три сынове Ноеви
раздѣлиша землю, Симъ, Хаамъ, Афетъ." -
слѣдуетъ славянскій текстъ лѣтописи, а за-
тѣмъ его примѣры и цѣлыя цитаты изъ ви-
зантійскихъ писателей, изъ Синкелла, Пасхали-
са и Кедрина: "Πῶθεν ὁ κορυμενὴν Περσέ-
σβε Νωε"...; или, напр., по лѣтописи: "И ася
востокъ Симвови: Персида, Ватръ, да же и до
индикія, в долошу....; у, Византійцевъ; 2. при...
Ἐβακεν ἁπὸ Περσίδος καὶ Βακτρῶν εἰς Ἰνδ-
κῆς διῆκος, πλάτος δὲ ἁπὸ Ἰνδίκῆς εἰς....;
такимъ образомъ, указывается полное поже-
дство между нашей лѣтописью и цѣлымъ
ли Византійскихъ писателей. "Затѣмъ, по сѣ-
потопу, говоритъ Шлецеръ, Ной, посовѣто-
вавшись съ 3-мъ своимъ сыномъ, раздѣ-
ливъ шивъ высохшую отъ воды вселенную!

Эту сказку Бременский епископ Фриластриус поставил въ число ченовъ вѣры и кто ей не вѣривъ, тотъ объявленъ однимъ изъ его 150 еретиковъ. Слѣдуетъ разборъ этой сказки. Такъ онъ заканчиваетъ первую главу о древней космографіи. Затѣмъ переходитъ ко второй, гдѣ заключается описаніе земель и народовъ, населяющихъ Европу въ XI ст. Приводится текстъ летописи: „До Пантикапейскаго моря на полуостровной страны, Азѣи, Антестръ и Кавказкія горы, рѣкше Угорьскія...“, а за сими идутъ краткія указанія на необыкновенную начитанность Нестора во многихъ византійскихъ авторяхъ. Кроме того Млецеръ отдаетъ преимущество Нестору предъ другими авторами, особенно древне-классическими, въ знаніи восточной половины Европы. Третья глава трактуетъ о вавилонскомъ столпотвореніи, гдѣ также Млецеръ представляетъ текстъ переводъ и свои замѣтки. Затѣмъ идетъ глава о переселеніи славянъ въ русскую землю; здѣсь онъ сообщаетъ о путяхъ. Содержаніе главной части отличается такими же характеристиками, какъ и введеніе; здѣсь онъ разсматриваетъ критически о дѣяніяхъ первыхъ русскихъ князей по летописи, излагаетъ летописное преданіе и приурочиваетъ ихъ къ дѣятельности тѣхъ, или другихъ князей. И въ настоящее время „Несторъ“ Млецера не потерялъ своего значенія, хотя теперь едва ли могутъ быть приняты много выводовъ Млецера; даже его основная мысль объ очищенномъ Несторѣ; для этого нужно было воспользоваться большимъ числомъ списковъ, изучить ихъ болѣе внимательно. Необходимо было обратить вниманіе на относительную

равности их; между тѣмъ у Шлецера рядомъ фигурируютъ и Никоновскій, и Лаврентьевскій и саранскій стиски.

Но, не смотря на не вполне удовлетворительно выполненную задачу, все таки эта книга долже-на остаться монументальнымъ памятникомъ въ разработкѣ русской мѣтодики и русской исторіи. Неудивительно поэтому, что прежде она имѣла такое громадное вліяніе; она зародила критицизмъ и скептицизмъ и въ послѣдующее поколѣніе русскихъ историковъ. Интересно при этомъ, что Шлецера своимъ стилемъ и редакционными признаками признаютъ не только настоящіе скептики - Каченовскій и др., но вѣсѣтъ съ тѣмъ и ихъ противники. Погодинъ, напр., писалъ свои сочиненія предъ портретомъ Шлецера, а онъ бывъ между тѣмъ яркимъ противникомъ скептиковъ, называвъ ихъ воеводами, нахотами". Сдѣлавъ будетъ справедливо до такой степени уменьшать заслуги Шлецера, какъ это дѣлаетъ Кошловъ въ своей "исторіи русскаго самосознанія", говоря, что Шлецеръ лучше не сдѣлалъ, если бы совѣтъ не писалъ. Нестора, потому что онъ этимъ принесъ больше вреда, чѣмъ пользы.

§ 8. Н. М. Карамзинъ.

Библиографія:

Каченовскій. Критическія статьи объ „исторіи Карамзина" въ „Вѣстникъ Европы" 1819.

Соловьевъ. Мѣсть статей Карамзина (Отечественныя Записки 1853 - 1856).

Старчевскій. Жизнь Карамзина (Спб. 1849).